

памяти. Это же касается и такого весьма любопытного вопроса, как размах и мотивы дезертирства солдат из русского оккупационного корпуса, находившегося во Франции в 1815–1818 гг. Справедливо отмечая сложность оценки данного феномена в конкретных цифрах, М.-П. Рей гипотетически определяет число дезертировавших примерно в 40 тыс. человек (р. 18, 244, 268, сноски 28, 298, сноска 84), не объясняя, правда, на чём основано её предположение.

Впрочем, все аспекты, вызвавшие приведённые выше критические замечания, не относятся к главной сюжетной линии книги М.-П. Рей и составляют всего лишь фон, на котором разворачивается основное действие. А когда таковое, как в нашем случае, действительно увлекает, то небольшие погрешности в декорациях спектакля не портят. Тем не менее отметить их весьма поучительно: если автор, опирающийся в своём творчестве на две национальные историографические традиции, вдруг в какой-то момент сбивается на воспроизведение стереотипов одной из них, это означает, что влияние второй на освещение рассматриваемых сюжетов оставляет желать лучшего. Что ж, российским историкам и вправду предстоит ещё немало поработать, чтобы наверстать ранее упущенное в изучении славной кампании 1814 г.

А.В. Чудинов

Примечания

¹ Чудинов А.В. О «глобализации» в историографии войны 1812 года (Размышления над книгой М.-П. Рей) // Французский ежегодник 2013: «Русская кампания» Наполеона: события, образы, память. М., 2013. С. 61.

² Подробнее см.: Чудинов А.В. Русский или британский историк? Феномен профессора Ливена / Диалог о книге «Россия против Наполеона: Борьба за Европу, 1807–1814» Доминика Ливена // Российская история. 2013. № 6. С. 4–6.

³ Rey M.-P. L'effroyable tragédie. Une nouvelle histoire de la campagne de Russie. P., 2012.

⁴ Из новейших изданий см.: Безотосный В.М., Иткина Е.И. Казаки в Париже в 1814 г. М., 2007; Безотосный В.М. Наполеоновские войны. М., 2010; он же. Все сражения русской армии 1804–1814: Россия против Наполеона. М., 2012; Заграничные походы русской армии. 1813–1815 годы: Энциклопедия. Т. 1–2. М., 2011; Могилевский Н.А. От Немана до Сены: Заграничный поход русской армии 1813–1814 гг. М., 2012.

⁵ Rey M.-P. Alexandre Ier. P., 2009. (Русский перевод: Рей М.-П. Александр I. М., 2013).

⁶ Houssaye H. 1814. P., 1888. P. 51, note 1.

⁷ Ibid. P. 49.

⁸ Steenackers F.-F. L'invasion de 1814 dans la Haute-Marne. P., 1868; Pougiat F.-E. 1814–1815. Invasion des armées étrangères, dans le département de l'Aube. Troyes; P., 1833.

⁹ Houssaye H. Op. cit. P. 51, note 1.

¹⁰ Pingaud L. Les Français en Russie et les Russes en France. P., 1886. P. 392. В русскоязычной литературе можно также встретить транскрипцию имени этого автора как «Пинго» или «Пэнго».

¹¹ См.: Чудинов А.В. Снова о Павле Строганове // Вопросы истории. 2001. № 6. С. 175.

«Двери в далёкое теперь прошлое»: «Обрывки воспоминаний» графа В.Н. Коковцова*

Воспоминания гр. Владимира Николаевича Коковцова (1853–1943), пожалуй, один из наиболее известных классических памятников русской мемуаристики XX в. Его записки о событиях 1903–1919 гг., когда ему довелось руководить финансовым

ведомством (в 1904–1905 и 1906–1914 гг.) и возглавлять правительство (с сентября 1911 по январь 1914 г.), вышедшие впервые в 1933 г. в Париже, не раз затем переиздавались как на русском, так и на английском языках¹. Даже в советское время они

* Коковцов В.Н. Обрывки воспоминаний из моего детства и лицейской поры / Сост. М.А. Васильева и М.В. Ковалёв. М.: Дом русского зарубежья им. А.И. Солженицына; Русский путь, 2011. 288 с., ил.

неизменно привлекали к себе внимание историков, хотя их экземпляры имелись лишь в нескольких библиотеках СССР. И это было отнюдь не случайно. В.Н. Коковцов, безусловно, принадлежал к числу наиболее осведомлённых и компетентных сановников последнего царствования. При этом, в отличие от многих других высокопоставленных мемуаристов (например, С.Ю. Витте или В.И. Гурко²), он, как правило, был более точен в изложении событий и менее пристрастен в оценке своих современников, хотя, разумеется, и в его суждениях присутствовала известная ведомственная односторонность³.

Но если воспоминания В.Н. Коковцова о периоде войн, революций и преобразования государственного строя империи давно уже стали незаменимым историческим источником, то написанное им о своей жизни во второй половине XIX в. до последнего времени оставалось практически недоступно отечественным исследователям. Сам мемуарист желал рассказать прежде всего о вершине своей карьеры и лишь в 1935–1937 гг. вернулся к событиям детства и юности. До самой его смерти 29 января 1943 г. эта часть воспоминаний так и не была издана. Затем её машинописные копии оказались у наследников, в Бахметьевском архиве Колумбийского университета и в Королевском музее армии и военной истории в Брюсселе. В результате российским историкам, включая даже биографов Коковцова, его мемуары о воспитании в родительском доме, обучении в Александровском лицее и начале государственной службы долгое время были известны лишь в изложении зарубежных коллег, которые успешно использовали сохранившиеся тексты в своих работах⁴. Публиковать эти воспоминания (точнее, их части) начали сравнительно недавно⁵. И только в 2011 г. они стали полностью доступны широкому кругу читателей и учёных. Издать их удалось благодаря усилиям Дома русского зарубежья им. А.И. Солженицына (активная публикаторская и исследовательская деятельность которого заслуживает признательности всех, кому дорога история России) и содействием со стороны генерального директора Королевского музея армии и военной истории Д. Хансона,

сотрудников Центра документации этого музея и Н.С. Белявского.

В основу публикации, осуществлённой М.А. Васильевой и М.В. Ковалёвым, была положена машинописная копия с рукописными поправками, сделанными самим В.Н. Коковцовым (лишь одну его вставку не удалось разобрать). По словам публикаторов, «текст практически не содержал орфографических ошибок, что свидетельствует о его добротной вычитке и вероятной подготовке к печати» (с. 254). Однако, к сожалению, некоторые незначительные опечатки в «Обрывках воспоминаний» всё же имеются. Например, на с. 172 вместо «Училище правоведения» напечатано «Училище преподавания», в другом случае «Департамент полиции» превратился в «Департамент юстиции» (с. 237). Фёдор Адольфович Оом один раз назван «Фёдор Альбертович» (с. 244), а В.М. Маркус – «В.А. Маркулом» и «Маркуловым» (с. 249–250). Но особенно много таких неточностей встречается в цифрах. Так, на с. 39 и 109 неверно указаны годы смерти родителей мемуариста («1868» и «1878», тогда как должно быть соответственно 1863 и 1873 гг.). Эта же описка, «1878» вместо «1873», повторяется на с. 193 и 203. На последней, кроме того, вместо «25 февраля» указано «25 декабря», а на с. 85 вместо «с 6-го на 7-е ноября» – «с 6-го на 7-е декабря». На с. 198 автор в «1878 г.», а не в 1872 г. заканчивает обучение в Лицее. На с. 208 поступление В.Н. Коковцова на службу в Министерство юстиции датировано «10 марта 1875 года», хотя тут же говорится, что она «завершилась через 44 года, в апреле 1917 года», т.е. началась всё же в 1873 г., как и следует из формулярного списка и современных справочников⁶. Сам текст воспоминаний не оставляет сомнений в том, что во всех этих случаях речь идёт не о сбоях памяти мемуариста, а именно о технических описках или ошибках при наборе. Вероятно, они были сделаны уже в той машинописи, с которой работали публикаторы. Однако и в этом случае их всё же стоило оговорить в комментариях, дабы облегчить чтение.

В комментариях также встречаются досадные промахи. Верно указав годы, в которые А.В. Головин возглавлял

Министерство народного просвещения (1861–1866), комментатор тут же добавляет: «Отправлен в отставку после покушения Д.В. Каракозова на Николая II» (с. 272). Мелкие неточности и ошибки есть и в биографических справках об А.А. Абазе, А.Е. Тимашеве и гр. П.А. Шувалове (с. 273–277). Впрочем, нельзя не признать, что подобного рода упущения и недостатки (и часто гораздо более серьёзные) можно найти в подавляющем большинстве современных изданий. Преобладающее теперь стремление, если не требование, наращивать объёмы и сокращать сроки выпуска научной «продукции» неизбежно сказывается на тщательности отделки и делает неуместной излишнюю придирчивость. К тому же все перечисленные мелочи не идут ни в какое сравнение с огромной заслугой публикаторов, благодаря которым отечественная наука обогатилась ценнейшим историческим памятником.

«Обрывки воспоминаний» В.Н. Коковцова существенно отличаются от его мемуаров о царствовании Николая II. Описывая события начала XX в., он вновь погружался в ту политическую борьбу, участником которой ещё недавно являлся, возвращался к спорам о судьбах рухнувшей уже империи, сохранявшим свою остроту в эмигрантской среде. И укреплявшаяся при этом убеждённость в правоте собственных взглядов и действий должна была одновременно заглушать горечь поражения и беречь незаживающие раны.

Вспоминая о детстве и юности, он, напротив, как будто намеренно избегал всего, что могло показаться актуальным в 1930-е гг. Отметив 80-летие, граф писал о времени, которое кроме него мало уже кто помнил, и обращался преимущественно не к современникам или потомкам, а «к самому себе». Следуя за автором, рассказывающим про родовое (и родное для него) Горна-Покровское, читатель невольно погружается в идиллический мир Обломовки, хотя сам Владимир Николаевич по своему характеру был скорее неким «русским Штольцем». Быть может, поэтому его изложение чуждо какой-либо стилизации и чрезмерной сентиментальности, не говоря уже о том несколько приторном умилении, которое нередко было

свойственно эмигрантским изображениям императорской России.

В спокойной, всегда подчёркнуто сдержанной манере Коковцова поражает та умиротворённость, с которой он смотрит на дорогие для него руины – без тени того или иного оправдания разрушений, но и без ненависти к разрушителям. Глубокое неприятие случившегося со странной странностью сочетается у него с готовностью принять неизбежное. Переносясь мысленно в Горна-Покровское и явно гордясь «довольно редким в жизни стремлением многочисленной семьи сохранить это гнездо в одних руках, вне всяких писанных норм и соглашений, а одним желанием не разрушить того, что было создано, обжито и устроено трудом целых поколений за три века», Коковцов констатирует: «Эта цель была достигнута вплоть до самого большевистского переворота, который вырвал это гнездо из рук нашего рода в лице юного сына моего старшего брата и моего крестника, которому пришлось бежать не от расправы своих крестьян, а от нашествия орды, высланной властью отбирать земли и усадьбы крупных помещиков. Теперь этого гнезда более нет. Усадьба сожжена или сторепа от неумелого хозяйничанья ещё до наступления колхозной поры, а великолепный каменный храм, освящённый в год моего поступления в гимназию, в 1863 году, разобран на кирпич; склеп под ним, где похоронено много поколений бывших владельцев имения, засыпан, и что заменило теперь милую вотчину крупного северного помещика, я не знаю» (с. 30). Вместе с усадьбой погибли семейные реликвии (в том числе карандашный портрет матери В.Н. Коковцова в гробу, сделанный на глазах у осиротевшего мальчика его дядей П.Г. Коковцовым). «Разделило общую участь всех помещичьих усадеб» и Залужье – имение деда В.Н. Коковцова по матери (с. 104).

Мемуарист довольно часто упоминает об этих, отнюдь не только и не столько материальных потерях, и всякий раз в его словах чувствуется боль, но не ожесточение. Народ и после революции не вызывает у него ни малейшей враждебности. Впрочем, «народа» как чего-то обобщённого и отвлечённого в его воспоминаниях

нет. Зато о няне (которую «почитали наши родители и все мы, пока она была жива» (с. 40)), ключнице, кучере, резчике, сыне приказчика – единственном друге детства – и других он пишет с большой теплотой и уважением. Крестьяне и в эмиграции оставались для него «своими» (видимо, во всех смыслах). Они воспринимались им как часть большой патриархальной семьи, отношение к которой, несмотря на значительную сословную дистанцию, конечно, сохранявшуюся в быту и в пореформенное время, не было высокомерным. Напротив, тот же кучер пользовался, по словам мемуариста, таким «авторитетом» – «и по его уходу за лошадьми, и по умению управлять ими», что дети помещика были счастливы, «когда нам, мужскому поколению, выпадала большая удача сидеть на козлах рядом с ним и обмениваться впечатлениями по конской части» (с. 57). Разговаривать с ним они готовы были «часами» (с. 43–44). Глубоким стариком, побывав на высших постах в империи, В.Н. Коковцов помнил о том, как учился у своего друга Ф. Громова весьма специфическому «спорту верховой езды на крупных свиньях», как они регулярно совершали «экскурсии сначала за лесной земляникой, а потом за лесной малиной [и] грибами на больших расстояниях» (с. 97).

При этом разрыв связи с привычной жизнью имения мог оказаться болезненным и даже трагичным не только для его владельцев. Так, повар и кучер, ушедшие весной 1861 г. «пожить сами на новой воле», уже через год с небольшим вернулись обратно (при этом повара выслали из Петербурга «по этапу») (с. 56–57). Тот же Ф. Громов, отданный своим отцом учиться на повара в уездный город Боровичи, быстро спился, «сильно опустился» и «совершенно утратил память» (с. 98).

Патриархальность жизни в Горна-Покровском в середине XIX в. во многом была связана с затерянностью имения в глуши Новгородской губернии. «Наши Горна, – писал Коковцов, – отстояли от линии Николаевской железной дороги на 148 верстах, из которых 76 по почтовому перегону, а 72 – по просёлочным дорогам такого качества, что многим это просто недоступно понять теперь. От

ближайших городов... мы были в 95 и 110 верстах. Телеграфа в то время не было. Почта ходила 2 раза в неделю. Соседей кругом почти никого не было, если не считать мелкопоместных или обширного круга нашей семьи со стороны матери, отдалённого от нас также сотнями вёрст в другой губернии – Тверской, – сношения с которыми имели скорее характер сложных экспедиций для предъявления молодого поколения старшему» (с. 41–42). Даже «крестьянские деревни» находились на расстоянии нескольких вёрст (с. 31).

В этих условиях едва ли можно было жить беззаботно. Отец В.Н. Коковцова постоянно о чём-то хлопотал и находился в разъездах, охотно привлекая к делам сыновей, от которых ожидал помощи в будущем. «Я, – вспоминал Владимир Николаевич, – присутствовал... при всех его обходах усадьбы, заводов (винокуренного и лесопильного. – *А.М.*), полей и работ, слышал все его наставления приказчикам и, скажу без всякого хвастовства, в 8–9 лет я отлично знал в особенности всё сельскохозяйственное наше устройство» (с. 49). Поскольку один из хуторов отстоял от имения на 16 вёрст, помещику приходилось на беговых дрожках «делать оборот в 32 версты в течение одного дня и затрачивать ещё немало времени на обход полей, покосов и объяснения с приказчиками». По словам мемуариста, «эти объезды отец всегда совершал не торопясь, и выезжая утром точно после раннего завтрака, мы возвращались назад только к ужину, затемно» (с. 32). К этому добавлялись заботы об образовании детей: поиск гувернанток для дочерей, отправка сыновей в гимназию, обустройство их быта в столице и проч. Цена этого была достаточно высока: 25 февраля 1873 г. Николай Васильевич Коковцов скоропостижно скончался от сердечного приступа в возрасте 57 лет, почти на 10 лет пережив свою жену, умершую в 1863 г. столь же скоропостижно 37 лет от роду и оставившую восемь детей, младшему из которых было чуть больше полугода (ещё трое скончались в младенчестве). Их старшего сына – Н.Н. Коковцова, переехавшего в Горна-Покровское в середине 1870-х гг., похоронили там же в 51 год (в 1899 г.). «Видимо, – заключал

Владимир Николаевич, — нелегко давалась трудовая жизнь тем, кто сел на землю на нашем севере и взял в свои руки сложное дело по управлению большим имением, требовавшим и очень большого напряжения своих сил» (с. 33).

Бытовая обстановка «трудовой жизни» помещика и его семьи, описываемая мемуаристом, была весьма скромной. Получая от двоюродного деда в подарок на Новый год трёхрублёвую ассигнацию, дети Николая Васильевича, уже учившиеся в гимназии, приходили в восторг. «Я и сейчас помню эти бумажки с двумя столбиками на лицевой стороне, — писал в эмиграции министр финансов Николай II. — Нашей радости не было предела, как не было конца изобретательности относительно того назначения, которое даст каждый из нас, считая и старших, этому неожиданному дару» (с. 103). Развлечений, помимо природы и хозяйства, в деревне было немного: «Книг мало, и новые получают только после побывки кого-либо в столицах, что бывает как редкое исключение, о котором месяцами говорят до поездки и повествуют после возвращения» (с. 43).

Наконец, «врачебной помощи тогда в уезде вообще не существовало, и в экстренных случаях об ней и думать не приходилось... Никто из нас никогда и не говорил о возможности обращаться за помощью к уездному врачу. Аптек также не было. Была вера только в гомеопатию с её удобными для приёма каплями или крупинками, которые всегда можно было привезти из Петербурга или Москвы». Лечились и «домашними средствами», порою довольно суровыми (с. 93). В результате постоянно болевший младший брат В.Н. Коковцова Фёдор «был предоставлен в прямом смысле слова на волю Божию и на выносливость его организма». Каждый раз, покидая по делам имение, отец «прощался со своим последним сыном, не имея никакой надежды застать его живым по своём возвращении». «Не было поэтому ничего удивительного, — полагал мемуарист, — что заранее им было приготовлено всё для погребения мальчика и придания этому обряду приличного вида, до обивки гроба включительно. В случае его кончины на месте не было

никакой возможности приобрести что бы то ни было необходимое. Никакой местной торговли иными предметами, кроме тех, которые принадлежали к крестьянскому обиходу, вообще тогда не существовало». Так дыхание смерти становилось частью повседневной жизни, несмотря даже на то, что потеря близких, как правило, оказывалась внезапной. Впрочем, тот же Ф.Н. Коковцов, благодаря заботе и уходу, пережил отца и дожил до 26 лет (с. 94–95).

В городе быт помещицкой семьи среднего достатка также был далеко не блестящим. Квартира, снятая в 1863 г. Н.В. Коковцовым для старших детей в Петербурге, на углу Екатерининского канала и Конного переулка (недалеко от Сенной площади), находилась в доме «сравнительно новой конструкции, но в нём не было ни канализации, ни водопровода», и «вода накачивалась насосом в большой чан, стоявший во дворе, прямо из канала». Разумеется, она «употреблялась только в кипячёном виде», но и тогда «отдавала сильным запахом», а «на дне стаканов и чашек постоянно оставались плёнки какого-то противного настоя». Видя это, отец семейства «нашёл возможность снабдить нас развозимою в определённые часы утра в больших белых чанах сначала водою из Фонтанки, а затем вскоре и невскою водою, за сравнительно высокую по тому времени плату» (с. 69–71). Трое братьев, две сестры, воспитательница и кухарка размещались в четырёх комнатах с кухней (при этом две комнаты были маленькими, а одна из больших — полутёмной). Лишь год спустя семейство переселилось в более просторное и удобное жилище на Средней Мещанской, но и оно относилось к «обычному для того времени типу дешёвых частных квартир» (с. 98–99).

Неудивительно, что лишь в Горна-Покровском В.Н. Коковцов и его братья и сёстры чувствовали себя по-настоящему дома. «Во всём, — отмечал Владимир Николаевич, — деревня, *наша* (здесь и далее выделено В.Н. Коковцовым. — А.М.) деревня, с её жизнью, столь далёкою от городской, целиком владела нашею душою, и мы просто продолжали жить ею, сравнивая с нею то, что было так недавно

и что вошло в нашу плоть и кровь... Все мы любили *нашу* родину, *наши* Горна, всё, что связывало с нею, всё, что стало *нашим* и чего не могли вытравить 2 месяца жизни в городе, в скудости и тесноте, после того, что мы жили в таком, хотя и скромном по существу, но всё же в приволье и на просторе, ничем и никем не стесняемом, кроме слов *нашего* отца и *нашей* матери, ясно и без рассуждений положивших всеми нами исполняемый предел тому, *что можно и чего нельзя*. Мне кажется порою и теперь, когда жизнь приходит к своему концу, а столько пережито, перечувствовано и перенесено, что *ничто* не вытравит из моей души того, что заложено было деревнею в неё, и не победит его и мой рассудок». Пытаясь передать свои чувства, мемуарист тут же цитировал (пусть и не совсем точно) слова «чудного стиха» М.Ю. Лермонтова (с. 80–81). Любопытно, что всё это писалось человеком, который, возможно, как никто другой мог считаться олицетворением и воплощением петербургской бюрократии, чья служба после привилегированного Александровского Лицея проходила исключительно в столичных канцеляриях разных ведомств. Кстати, в тех же Горнах после смерти отца он побывал за 40 лет всего лишь несколько раз.

Между тем в Петербурге Коковцов поначалу оказался, пожалуй, ещё более затерян, чем в новгородской глуши. В 1868–1869 гг. его «затворничество в Лицее» прерывалось только по воскресеньям, когда он мог несколько часов общаться с братом Василием (который в свои студенческие годы «был тоже очень одинок»). Ему было просто некуда идти: «Знакомых и родных у нас по-прежнему в Петербурге не было, а редкие посещения дома дедушки Шварца обыкновенно совпадали с приездами отца» (с. 167–168). По-видимому, это одиночество переживалось довольно болезненно, поскольку, по словам Коковцова, «с тех пор, что помнил себя, а в особенности потом, когда пробуждавшее[ся] сознание давало мне возможность осмыслить то, что меня окружало, я всегда видел себя среди моей семьи, с нашими родителями, а потом с моими братьями и сёстрами старше меня и, наконец, с теми, которые появились на свет после

меня» (с. 161–162). «Семейная сплочённость» играла в жизни Коковцовых исключительную роль. Родители были поглощены воспитанием и обеспечением детей, и между ними существовало глубокое взаимопонимание. Доверительные отношения братьев и сестёр, несмотря на известную «остроту детских конфликтов» (с. 34), с годами лишь укреплялись, особенно под влиянием тяжёлых потерь. Недолгое общее счастье крепко связало их друг с другом (с. 29).

В то же время, при крепких связях внутри семьи, особой близости с многочисленной роднёй (Страховыми, Шварцами и др.) у Коковцовых не сложилось. Почти не отразились родственные узы и на последующей карьере В.Н. Коковцова. Лишь в марте 1873 г. В.С. Адамов – зять В.М. Шварца и директор департамента Министерства юстиции – помог осиротевшему выпускнику Лицея занять скромную должность в судебном ведомстве. В какой-то мере его успехам на службе способствовала, вероятно, и женитьба осенью 1880 г. на дочери Ф.А. Оома, имевшего прочные позиции при Дворе и в правительственных сферах. Однако, как утверждал мемуарист, «своего зятя он никуда не п[р]оводил, ни о чём для него не просил, ничего в его пользу не домогался, не поднимал он никогда даже такого естественного и обыденного в ту пору вопроса, как о пожаловании мне придворного звания, которого и сам он не имел». «Между нами не было ни единой размолвки, – вспоминал Владимир Николаевич о тесте, – ни одного самого ничтожного несогласия, ни одного расхождения во взглядах, ни одной попытки с его стороны направить меня на иной жизненный путь, нежели тот, который слагался как-то сам собою, в силу событий и обстоятельств, часто помимо прямой моей воли. Он знал всё, что относилось не только к моей семейной жизни, но и к моей служебной деятельности. Он не имел прямого влияния на последнюю, но я не сомневаюсь в том, что косвенно его влияние оказалось всё-таки в известной, а может быть, и в значительной мере, хотя и без прямого его желания, а тем более какого-либо его вмешательства, всё же весьма существенным» (с. 246–247). Авторитет

и моральная поддержка Оома, имевшего прямой доступ к императрице Марии Фёдоровне, действительно не могли не укреплять положение Коковцова и его репутацию в правящих кругах.

Патриархальное семейное воспитание В.Н. Коковцова органично сочеталось с глубокой религиозностью, сложившейся ещё в детские годы и сохранившейся затем до старости. Пример родителей имел тут, видимо, большое значение. В их доме регулярно служились всенощные, была особо почитаемая Тихвинская икона Божией Матери (с. 62), перед которой отец обычно молился, возвращаясь из той или иной поездки (с. 51). В день празднования этой иконы 26 июня 1863 г. в Горна-Покровском «при огромном скоплении духовенства из всех приходов в округности на 20 и даже 30 вёрст», не говоря уже о множестве крестьян, состоялось освящение каменного храма, строительству которого Коковцовы уделяли особое внимание (с. 61–66). «Истративши на сооружение храма большие по тому времени и по состоянию наших средств суммы, – вспоминал Владимир Николаевич, – отец не жалел своих усилий на его украшение, постоянно говоря нам... что он хочет, чтобы Горна оставались неделимы в роде его детей и чтобы и их дети, входя в храм, видели всю его красоту и понимали, что это им завещали те, кто жил в Горнах и создал их... Наша мать сама, своими одними силами, готовила великолепные хоругви для храма по собственному рисунку... Она пользовалась каждою свободною минутою, пока было светло... чтобы сесть за пяльцы, всегда стоявшие у окна» (с. 62–63). Сам В.Н. Коковцов, с интересом наблюдавший за резьбой и золочением иконостаса, спустя какое-то время «стал просто помогать позолотчику», о чём его отец рассказывал матери «с видом полного одобрения» (с. 64–65).

В дни празднования Тихвинской иконы Божией Матери и Покрова Пресвятой Богородицы, «следуя давнему у нас обычаю, во всяком случае со времён нашего деда Василия Григорьевича, а вероятно, и гораздо раньше», в Горна-Покровском, вплоть до 1917 г., устраивалось «угощение для народа» (с. 66) «со множеством подвод, привезших богомольцев за

десятки вёрст, с приготовленными длинными столами для угощения от помещика, с разносимым даровым, тут же сваренным пивом и с немалым количеством раскинутых по дороге палаток для продажи товаров крестьянского и вообще деревенского обихода, а, главное, с немалым количеством, по деревенскому обычаю, крестьянских и помещичьих экипажей» (с. 80). В детском сознании народная и религиозная составляющие праздника сливались воедино. Не найдя этого осенью 1863 г. в столичном храме, В.Н. Коковцов, а также его братья и сёстры, «остались совсем недовольны тем, что видели», хотя «народу в церкви было очень много, теснота большая, прекрасное пение» (с. 80).

Так или иначе, к моменту поступления в гимназию в 1863 г. Владимир Николаевич не только хорошо знал молитвы, но и 3 года прислуживал в алтаре. С настоятелем Покровского храма о. Иоанном Левическим у семейства Коковцовых установились особые, душевные отношения (с. 46). Он крестил детей (приезжая при необходимости среди ночи), помогал утешением и советом, подыскивал учителей (с. 60, 67). Проповедь, сказанная им в 1863 г. при отпевании А.Н. Коковцовой, хранилась в Горнах среди реликвий и не раз со слезами перечитывалась (с. 87). «Должно быть, Вы часто бываете в церкви, знаете и церковную службу, – отметил в 1866 г. при поступлении В.Н. Коковцова в Александровский лицей законоучитель протоиерей Алексей Строкин. – Вам, должно быть, и в гимназии хорошо объясняли молитвы. Постарайтесь не забыть их в Лицее» (с. 124). Но если в гимназии у добродушного протоиерея Димитрия Тихомирова «уроки были всегда... разъяснены и интересно рассказаны», то преподавание Закона Божия лицеистам, напротив, отличалось скорее формализмом и педантичностью (с. 75, 132–133). В сравнительно небольшом закрытом заведении с сильным корпоративным духом и поликонфессиональным составом учащихся и учащихся едва ли могло быть иначе. А при таком отношении и лицейский храм не мог стать столь же дорогим и манящим, как родная Покровская церковь в Горнах.

Во всяком случае о каких-либо своих

духовных переживаниях после 1866 г. Коковцов уже не вспоминает. Религиозное возрождение, наметившееся в русском обществе в последней трети XIX в. под влиянием лекций В.С. Соловьёва, романов Ф.М. Достоевского и проч., по-видимому, не оказало на мемуариста воздействия. Патриархальная воцерковлённость синодального времени не предполагала особой накалённости. Тем не менее, судя по живости детских впечатлений, она оставалась достаточно прочной. Во всяком случае в 1920–1930-х гг. Коковцов активно участвовал в церковной жизни русской эмиграции и с интересом вникал в запутанные канонические споры. Кстати, и конфликт с императрицей Александрой Фёдоровной и Распутиным (стоивший, в конечном счёте, Владимиру Николаевичу министерского поста) отчасти был связан именно с различием их духовного опыта⁷. И раскрывается это именно благодаря «Обрывкам воспоминаний», хотя о событиях последнего царствования в них не упоминается вовсе.

Как видно из мемуаров Коковцова, домашний уклад формировал его самосознание едва ли не сильнее, чем собственно образование, которое вплоть до старших классов лицея не столько открывало новые горизонты, сколько являлось частью привычного порядка вещей. До 7 лет Коковцова «не учили ничему» и он «учился около... старших сестёр», которые «иногда показывали то, что они делали». «Никаких детских книг и буквarei у нас не было, – вспоминал граф, – и я не знаю, были ли они вообще и в других более или менее зажиточных семьях, живших по деревням. Моим учебником была газета “Северная почта”, приходившая к нам два раза в неделю» (с. 37). Громко читать её отцу считалось «большим отличием» (с. 46). Учиться писать было непросто уже в силу нехватки «тетрадей самодельного типа, сшитых домашним способом из простой бумаги, выдаваемой для детских занятий с большою осмотрительностью, потому что приобретение требовало поездки в ближайшие города» (с. 37). Гувернантки ехали в глухое имение неохотно и часто менялись. Тем не менее детей удавалось обучить говорить по-французски и по-немецки (с. 48–49),

к 10 годам были пройдены и «4 правила арифметики» (с. 60).

Всех этих познаний в 1863 г. оказалось вполне достаточно для поступления в петербургскую гимназию. Более того, при такой подготовке гимназический курс середины 1860-х гг. усваивался Коковцовым сравнительно легко. Гимназистов учили прежде всего считать, грамотно писать и толково пересказывать прочитанное. Тем самым исподволь (и ещё до пресловутой толстовской реформы) формировалось умение упорно и целенаправленно заниматься. И когда для подготовки к экзаменам в Лицей Коковцову в 13 лет пришлось за 2 месяца самостоятельно освоить программу IV класса гимназии, одновременно изучая с репетиторами совершенно незнакомые ему предметы (черчение географических карт и английский язык), он успешно справился с данной задачей (с. 117–128), что без привычки к интенсивному умственному труду было бы невозможно. Между тем содержание изучаемых дисциплин зачастую было поверхностным. Коковцов не без иронии вспоминал, как учитель географии увлечённо говорил «о рабовладельчестве в Америке и об угнетении чёрной расы белыми», а также излагал «красивые повествования из жизни индейцев», пересказывая «Хижину дяди Тома» и романы Ф. Купера (с. 74–77).

Занятия на младших курсах Лицея по существу мало чем отличались от гимназических. Но здесь, в особой корпоративной среде, завязывалось общение, которое продолжалось потом зачастую всю жизнь. Яркий тому пример – дружба В.Н. Коковцова и Э.Д. Плессе, 6 лет просидевших за одной партой, затем породнившихся (в 1880 г. Владимир Николаевич женился на двоюродной сестре своего товарища) и постоянно поддерживавших тесные личные и служебные взаимоотношения. Принципы «лицейского единения», «лицейской дружбы» и «лицейских традиций», по словам Коковцова, «оставили в нашей душе – я сужу по себе – неизгладимый след»: «Эта лицейская среда как-то незаметно охватила всё наше существо и без всяких писанных лозунгов, без чьих-либо наставлений, а тем более приказов подвела нас всех под один общий

непререкаемый уклад понятий, обязательный для всех и выработавший неписанный, но всеми усвоенный и создаваемый кодекс того, что “можно” и чего “нельзя”, к чему следует стремиться и чего должно избегать, что составляет сущность и чему следует придавать значение чего-то второстепенного и даже неважного» (с. 144–145). Так, «отличительной чертой нашей “лицейской связи”» являлось «полное отсутствие всяких различий по признаку внешних, материальных и иных преимуществ одних перед другими», а также общее «беспощадное осуждение» всякого «подхалимства», «фискальства» и иных способов «выслужиться перед начальством, приобрести какое-либо исключительное для себя благоволение, в особенности в ущерб кому-либо из курса» (с. 139–140). Впоследствии всё это становилось частью служебной этики.

В старших (II и I) классах положение лицестов резко менялось, и хотя внешне порядок их жизни оставался прежним, именно тогда, по словам мемуариста, «из детей мы бессознательно претворились в молодых людей». «Вместо уроков... мы стали слушать лекции совершенно новых профессоров, – вспоминал Коковцов, – с именами, получившими уже громкую научную известность. Они говорили с нами совсем другим языком, первое время... не совсем даже нам понятным... Ознакомление нас с такими понятиями, которые были полными для нас откровением, просто ошеломило нас с первой минуты... Мы с жадностью вслушивались в каждое слышанное слово, старались запомнить и записать его и едва ли давали себе в первое время ясное представление о том, что в такой красивой, подчас красноречивой форме стали внедрять в наше понимание наши профессора. Сравнительно скоро многие из нас заметили или, вернее, инстинктивно почувствовали, что мы ещё слишком молоды, незрелы и недостаточно подготовлены, чтобы усвоить вполне разъясняемые нам новые понятия» (с. 171–172).

В Лицее читали тогда свои курсы А.Д. Градовский, С.В. Пахман, В.И. Сергеевич, Н.С. Таганцев и др. Несмотря на свою знаменитость, все они были ещё достаточно молоды (старшему не было

50, а младшим и 30 лет), полны идей, сил и энергии, что не могло не увлекать даже явно робевших перед ними учеников, которым предстояло теперь отвечать на экзамене не по учебникам, а по конспектам лекций, подготовленным самостоятельно под руководством профессоров. По словам Коковцова, «готовых курсов вообще при нас не было», материал постоянно обновлялся, и это лишало возможности пользоваться прошлогодними записями (с. 172). В результате «труд по составлению лекций был очень и очень большой, и ложился он на плечи далеко не всех, а, так сказать, избранного меньшинства, причём на долю некоторых из нас приходилось составлять лекции далеко не по одному предмету» (с. 178). Однако такая работа заметно сближала учащихся и учащихся, превращая их в своего рода соавторов.

При этом не только появлялись новые предметы (государственное право России и европейских стран, уголовное, гражданское, финансовое, римское право, история русского права, статистика и т.п.), но и знакомые уже дисциплины читались теперь иначе, причём иногда – теми же самыми профессорами, что и раньше. Так, В.В. Бауер, «доканчивая курс истории Средних веков и перейдя к истории новейшего времени», «стал приучать нас к сравнительному изучению исторических явлений в различных странах мира» (с. 173). На старших же курсах лицеистам открывалась русская литература XIX в. Как писал Коковцов, В.В. Никольский в I классе «впервые ознакомил нас с Пушкиным и объяснил нам всё величие его гения, которым должен особенно гордиться воспитавший его Лицей». «Благодаря ему, – добавляет мемуарист, – мы впервые встретились в нашей юношеской жизни с увлекательной его поэзией» (с. 173).

Профессора, за пару лет буквально обрушивавшие на юношей поток новых впечатлений и сведений, оставляли заметный след в их жизни. По свидетельству Коковцова, «многие» его товарищи и по окончании курса «сохранили на долгие годы близкие отношения со своими учителями». «С двумя из них, – отмечал Владимир Николаевич, – А.Д. Градовским и Н.С. Таганцевым, лично меня соединила

потом прочная дружба» (с. 177). Дружба с Градовским, едва ли не самым ярким идеологом пореформенного либерализма, а также воздействие его лекций (не просто слушавшихся, но внимательно прорабатывавшихся при составлении конспектов) в известном смысле характеризуют политические взгляды и представления молодого Коковцова. Важны они и для понимания его позиции в начале XX в.

Влияние лицейских профессоров (и прежде всего Градовского) выразилось и в желании Коковцова по окончании Лицея продолжить обучение на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета «для приготовления к учёным степеням» (с. 196–198). Однако после Александровского лицея университет произвёл «впечатление какого-то базара» (с. 201), а вскоре внезапная смерть отца и вовсе заставила Владимира Николаевича оставить мысли о науке.

Как ни странно, во время обучения (и даже в старших классах) лицеисты не проявляли особого интереса к своему дальнейшему пути. Как утверждал Коковцов, «почти никогда за время шести лет пребывания в Лицее не было никаких разговоров, в какую службу идти, к какой деятельности готовиться и какую жизненную дорогу избрать». Задумываться и говорить об этом начинали лишь незадолго до выпуска и то преимущественно «в семье, но в Лицее, среди товарищей такой вопрос “карьеру”, “специальности”, “выбранной дороги” как-то совсем не возникал, и, во всяком случае, обсуждению не подвергался» (с. 145). Эта «удивительная особенность» лицейского сообщества фактически свидетельствовала об отсутствии у будущих чиновников какой-либо «профессиональной» мотивации.

В результате окончательное оформление их мировосприятия и самосознания происходило уже непосредственно на службе. Не случайно двух своих начальников — К.К. Грота и Д.М. Сольского (в прошлом также лицеистов) Коковцов указывал «среди тех, кто имел большое влияние на весь умственный и даже моральный уклад моей жизни», сразу же после отца и наравне с тестем (с. 216). Работа под руководством Грота в 1876–1882 гг., сначала в качестве прикомандированного чиновника, а затем

инспектора Главного тюремного управления МВД, и стала для Коковцова настоящей школой государственной деятельности. Именно тогда, под постоянным пристальным и заинтересованным вниманием внешне сухого и требовательного сановника, включившись в реформирование тюремной системы, он обучался сбору и анализу материала, составлению и редактированию документов, проведению ревизии столичных и провинциальных тюрем, изучению зарубежных пенитенциарных учреждений, участию в международных конгрессах и проч. «Грот имел большое и глубокое влияние на всю мою последующую жизнь, — вспоминал Коковцов 60 лет спустя. — Такие люди, как он, привязывают к себе, учат понимать жизнь под их углом зрения и, помимо всякого их желания, формируют характеры, взгляды и в особенности понятие о долге в широком смысле слова у тех, кого судьба поставила под их руководством, сблизила с ними» (с. 238). Вскоре их отношения вышли далеко за служебные рамки: в 1880 г. Грот стал посажённым отцом на свадьбе Коковцова, сделав впоследствии Владимира Николаевича своим душеприказчиком. «Я закрыл ему глаза глубокою осенью 1897 г., — писал граф, — когда он стоически, с поразительно ясным сознанием, в моём присутствии, перешёл в иной мир» (с. 238).

Благодаря Гроту Коковцов «узнал... целую плеяду государственных людей или только что сошедших с высоких ступеней государственной службы, или принадлежавших к окружению великой княгини Елены Павловны, или занимавших вообще видные посты». Среди них были В.А. Арцимович, А.В. Головин, М.Е. Ковалевский, М.Н. Любоцинский, Н.И. Стояновский, Э.В. Фриш и др. (с. 222–223). Таким образом, молодой чиновник попадал в круг деятелей Великих реформ, дополняя опытом живого общения с ними идеалы, усвоенные на лекциях Градовского. Тогда же, опять же при содействии Грота, Коковцов опубликовал в либеральной газете М.М. Стасюлевича «Порядок» свои «Тюремные параллели» (с. 239, 244), кажется, ещё не рассматривавшиеся исследователями и даже не учтённые библиографами.

Грот щедро делился опытом, связями, служебными возможностями. Пожалуй, единственное, что он и его друзья не могли

передать Коковцову – это тот энтузиазм, который вдохновлял их 1850–1860-х гг. К концу 1870-х гг. от былого оптимизма не осталось и следа. После душераздирающей сцены при посещении одной из тюрем Грот со слезами на глазах сокрушался о том, что ставит Коковцова с молодых лет «на эту дорогу горя, страданий и несчастия, на которой можно, однако, сделать столько доброго, хорошего и полезного и для тех, кто виноват, и для самого государства» (с. 237–238). Ведению финансовых дел, с которыми будущий министр познакомился уже в генеральских чинах и в зрелом возрасте, его обучал другой видный либеральный сановник 1860-х гг. – Д.М. Сольский. Именно его поддержка во многом обеспечила успехи Коковцова на посту товарища министра финансов в 1896–1902 гг. и назначение министром в феврале 1904 г. (с. 252–253).

В «Обрывках воспоминаний» В.Н. Коковцов практически ничего не пишет о событиях государственной важности, в которых ему довелось участвовать в конце XIX в. И тем не менее они исключительно важны для понимания политической истории России, поскольку со свойственной их автору обстоятельностью передают условия, в которых складывалось мировосприятие старшего поколения сановников, управлявших империей непосредственно перед её гибелью. В них отразился образ «отечества», к которому возвращались те из них, кому довелось пережить его катастрофу. Сохранение и осмысление этого образа создаёт своеобразный мост над пропастью, связующий порвавшуюся нить времени. И хочется надеяться, что Дом русского зарубежья и в дальнейшем будет укреплять

эту связь, издавая в России мемуарные памятники, публиковавшиеся в эмиграции или до сих пор хранящиеся за границей в архивах.

А.В. Мамонов

Примечания

¹ Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания. 1903–1919. Т. 1–2. Париж, 1933; Out of my past. The memoirs of Count Kokovtsov. Stanford; L., 1935; Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания. 1911–1919. М., 1991; он же. Из моего прошлого. Воспоминания. 1903–1919. Кн. 1–2. М., 1992; он же. Из моего прошлого. Воспоминания. 1903–1919. Минск, 2004.

² Об их воспоминаниях подробнее см.: Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. С.Ю. Витте – мемуарист. СПб., 1994; Андреев Д.А., Гайда Ф.А. В.И. Гурко и его воспоминания // Отечественная история. 2002. № 6.

³ О В.Н. Коковцове см.: Бовыкин В.И. Введение // Коковцов В.Н. Из моего прошлого... Кн. 1. М., 1992. С. 5–21; Векишина Ю.А. Граф В.Н. Коковцов – государственный деятель Российской империи. СПб., 2008.

⁴ Lieven D.C.B. Russia's Rulers under the Old Regime. New Haven; L., 1989. P. 91, 113–114, 118.

⁵ Коковцов В.Н. Обрывки воспоминаний из моего детства и лицейской поры // Некрасов С.М. «Куда бы нас ни бросила судьбина...». Выпускники императорского Александровского лицея в эмиграции. М., 2007. С. 125–159. См. также: Императорский лицей в памяти его питомцев: Александровский Лицей (1844–1919). СПб., 2011. С. 251–289.

⁶ Шилов Д.Н. Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений. 1802–1917. Биобиблиографический справочник. СПб., 2002. С. 338.

⁷ Коковцов В.Н. Из моего прошлого... Кн. 2. М., 1992. С. 281.

Ю.А. Борисёнок. На крутых поворотах белорусской истории: Общество и государство между Польшей и Россией в первой половине XX века. М.: Родина МЕДИА, 2013. 352 с.

Главный редактор журнала «Родина», доцент исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, кандидат исторических наук Ю.А. Борисёнок написал

глубокое и оригинальное исследование, проанализировав обширный и ранее неизвестный фактический материал. Помимо введения, трёх глав и заключения